

Аль Атоми Беркем

ДРУГОЙ УРАЛ

Москва
АСТ

УДК 821.161.1_31
ББК 84(2Рос=Рус)6_44
А56

Аль Атоми Беркем.

А56 Другой Урал / Беркем Аль Атоми. – Москва: АСТ,
2015. – 384 с.

ISBN 978-5-17-089902-9

«Другой Урал» – сборник рассказов от автора «Карателя» и «Мародера» Беркем Аль-Атоми. Весь сборник посвящен Уралу – Уралу, которого мы не знали и не знаем до сих пор. Уралу, в котором наряду с человеком живут те, кто населял эту территорию задолго до появления там людей. Тому Уралу, где происходят события, которые не имеют никакого научного объяснения... и все же имеющие место быть!

На Урал можно посмотреть другими глазами... если очень захотеть!

УДК 821.161.1_31
ББК 84(2Рос=Рус)6_44

ISBN 978-5-17-089902-9

© Беркем Аль Атоми
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Прощание. 59-й километр

— Что ж ты, подруга, м-м... — так и не сматерился человек — ...дней моих суровых? А? А ну как опоздаем, и что тогда? Прикажешь м... делать?

«Соната» не заводилась. Человек вылез из нее, и неуверенно направился к капоту.

Шарахнулся от удара горячего тугого ветра, поднятого обогнавшей фурой... Твою мать, опять назад не глянул... Открыл капот, вкусно дохнувший горячим двигателем — но человеку был чужд этот запах, машинные потроха, несмотря на солидный водительский стаж, оставались для него темным лесом. Что делать, он не знал — его «Сонату» обихаживали специально обученные люди на пафосной сервисной станции, где он не бывал дальше стерильного офиса с кожаной мебелью и мерзким кофе «Чибо».

По аналогии со своей специальностью он предполагал, что за умиротворяющим фасадом автомобильной больницы должна скрываться та же, что и у него, изнанка — стремительная, пахнущая смертью, кровью, лекарствами, надеждой и безнадёжностью; с той лишь разницей, что вместо крови пахнет маслом.

— Ну, и, собственно говоря, что? — задумчиво процедил человек, потрогав грязноватые провода свечей, воздушный фильтр и покачав какую-то симпатичную трубочку, ненадолго выныривающую из сложной железной мешанины. Трубочка несильно обожгла его чувствительные пальцы... Я даже не знаю, правильно ли, что вот эта трубочка так горяча... Вспомнилась ординатура у Мерабашвили, когда вот такие беспомощные стояния перед развороченными полостями пациента были не вытесненными из памяти досадными эпизодами, а ежедневной сессией унижения — человек был изрядно самолюбив во студенчестве.

Дернулся было закрыть капот, но передумал: так хоть понятно, что я терплю бедствие, а если закрою — ну стоит у обочины кореец, может, так надо ему. Все и проедут. Что все и так проедут, он как-то чувствовал, но сам себе еще не признавался.

— Кому ты должен. Думай, кому благодарность не сделал? — Мы с Яшчерэ пили чай, отгоняя банду жирных деревенских мух от протертой смородины.

— Есть такой, да. Знаешь, аби, как-то вот не складывается. Это, как ты говорила, потому что я злюсь на него?

— Нет. Этому ты на самом деле хочешь благодарность сделать, только не время было.

— А когда будет время?

— Сейчас.

— В смысле, «сейчас»? Прямо сегодня, что ли?

— Нет, сейчас. Пойдем, здесь он.

– Как здесь?! Откуда ему здесь взяться? Он...

Яшчерэ никак не отреагировала на мое недоумение, складывая стопкой чайные косушки. Зная ее полковничий нрав, я заткнулся, вышел на крыльцо, обул кеды и залез в успешную накалиться за утро машину. Кондыр^[1] дунул, обжигая ляжки студеным сквозняком, цепляясь за сантиметровые мурашки. ...Блин, надо было поссать сходить. Опять чаю обдудся, как барабан... Пока Яшчерэ возилась в снях, я успел поймать и выкинуть из салона с десятков здоровенных жестких слепней, бившихся по лобовухе.

– Вылазь.

– Че, аби, пешком пойдём? – задал я глупый вопрос, демонстративно проигнорированный строгой в этом отношении бабкой. Все никак не отучусь бакланить, когда не надо. Стыдно даже.

Бабка распахнула калитку, пропуская меня, прислонила к закрытой двери веточку и танкообразно двинулась влево по улице, в сторону трассы. Мне всегда нравилось, как ходит Яшчерэ – небольшая вроде бабка, а ощущение, как от пролетающего в двух шагах состава. Когда я даже не съел еще свою сороку^[2], меня всегда удивляло, как эта старуха проходит к прилавку сельмага сквозь толпу бьющихся за редко привозимое пиво мужиков – они не то что на самом деле разлетались как кегли, но эффект был в чем-то сходным, перед ней словно катился чугунный клин весом в пару тонн. Вот и сейчас, топя остроносими калошами по нежной деревенской пыли, она словно магнит, заставляла распрямляться мужичков, ковыряв-

шихся в криво поставленном на дерюгу нивовском двигателе, подтягивала к окнам из прохладной глубины домов соседок — все приветствовали Яшчерэ, кто просто и радушно, кто поджав губы, но все — крайне, по их деревенским меркам (это я уже научился замечать), крайне вежливо. Со смазкой, так сказать. Она только кивала, не особо поворачиваясь к приветствовавшим.

Дома короткой улицы Матросова кончились, со скрытой за березовой рощицей трассы доносился ровный гул загруженной по самое нехочу трассы. Суббота, свердловчане потянулись отдыхать, эта ровная колонна «Лексусов», «Гетцев», «Пассатов» и прочего железа поредет только после Кунашакского поворота, рассосавшись по окрестным озерам.

Войдя в еще по-утреннему прохладную рощу, я сразу остановился поссать — приперло уже, все, каждый шаг начал отдаваться в брюхе, словно там повздорила стая бильярдных шаров. Шаги Яшчерэ тут же смолкли, и на всю рощу раздался ее скрипучий, бесцеремонный голос:

— Как ссать, помнишь?

— Да помню, помню, аби...

— Смотри, обувку себе не обоссы!

Это мы так шутить изволим. Шутка юмора, епть. Ладно, еще контролировать не приперлась. А ссать я научился уже давно, еще когда даже сороку не съел. Это просто: если хочешь поссать в чужом месте, и особенно на дороге, нужно встать лицом назад, слева от тропы, потом представляешь себе путь, которым пришел, и продолжаешь его стру-

ей, заворачивая его влево и вправо от себя, и закручивая в спираль. Это получается как бы ложный след, и теперь за тобой никто пройти не сможет. Ну, в смысле, не то что вообще не сможет, а тот, кто идет за тобой, не следом за тобой, а конкретно ЗА ТОБОЙ, тебя уже не догонит и не увидит. Можно даже сделать так, что он сильно покалечится или даже умрет, если продолжит идти, но про это я писать не буду, уж извините.

После прохладной рощи началось заросшее пыреем и сурепкой заброшенное поле. Когда был совхоз, тут сеяли подсолнечник, и некоторые выжившие в этом пекле подсолнухи высились над средним уровнем бурьяна, повернув к солнцу свои толстые рожицы. Малиновый блестящий платок Яшчерэ мелькал чуть ли не посреди поля, и я добавил ходу, рассекая вязкий, словно мед, звенящий от насекомых и одуряюще пахнущий воздух. Поле, особенно летнее и знойное, на меня всегда действует как «Пинк Флойд» по обкурке, и я впал в некое подобие транса, механически переставляя ноги и помня себя лишь малым краешком ума. Оба, насыпь. Столбик, 59 км. Тут же по ушам ударила волна пронесшейся машины. Еще одна, еще. Бля, че-то я типа задумался, не слышал ведь совсем. Поднялся на обочину, мельком обратив внимание — какие же мертвые и пыльные кусты полыни вдоль дороги. А ведь растут, не сдаются — и это тоже самый настоящий джихад.

Оказалось, что я отклонился метров на сто. Нет, меньше, шестьдесят, может, ну семьдесят. Вон Яшчерэ стоит возле машины, мужик еще какой-то,

весь в светлом, типа культурный с виду. Че он остановился, у Яшчерэ дорогу, что ли, спрашивает? Я злорадно усмехнулся: ну-ну, давай, бедный цивилизованный пацанчик, щас она тебе шуточку свою какую-нибудь отколет... Я совсем забыл после этого психоделического полевого рейда, куда и зачем я иду за Яшчерэ. Пытаясь застать хоть конец сеанса их общения, совершенно, непредставимо разных людей, я ускорился и почти побежал. Как-то так получилось, что мой взгляд был то ли расфокусирован, то ли я больше смотрел под ноги, но Эдика я узнал, только подойдя почти вплотную. А постарел Эдька-то. У него было растерянное выражение лица: видимо, Яшчерэ подошла и молча рассматривала его, как это она обычно делает с незнакомцами, с теми, я имею в виду, кто достаивается ее внимания. Ощущения при этом... необычные, но Эдик, смотрю, держится — видимо, стандарт «цивилизованного» взаимодействия дал осечку, и Эдик завис, как заглочивший комп.

Я, признаться, слегка обалдел от неожиданности, но быстро сделал лицо и протянул старому другу ладонь:

— Здорово, Эдька! Елы-палы, ты как здесь?

— Да... Вот, ехал, машина что-то забарахлила... Ой, здорово! Сто лет... Слушай, а ты-то как здесь оказался?

— А я у родственников гощу, — соврал я. — Вот, с бабкой в Каинкуль решили сходить.

— Да ты как сам, как жена? Нормально все у нее? — по-докторски забеспокоился воспитанный Эдька.

— Спасибо, ништяк все. Ты слышь, Эдь. Серьезно говорю, спасибо. Помог ты ей, мне. Здорово помог. Ты извини меня, сколько собирались посидеть, водки попить, я тебе так давно хотел это все сказать, да все как-то... Не скажешь по телефону. Спас ты мне жену, и я тебя благодарю за это. Спасибо тебе.

— Да ладно тебе, — законфузился Эдька, — кончай. А водки — да, надо как-нибудь собраться, обязательно. Вот сейчас мои приедут... — тут его лицо мигом перестроилось в тревожную маску, и он рывком вытащил из светлых, наглаженных брюк книжку дорогущего мобильного. — Ой, еть... Они уже через час приземляются! А я тут кукую! Представь, еду, и вдруг... Ты, случайно, не силен в этих... моторах? — безнадежно спросил Эдик.

— А ну... — Я залез в Эдькину «Сонату», потыкал — не заводится. Зарядки нет, и еле крутит. Посмотрел, че за хрень — плюнуть да растереть. Делов-то.

— Твой-то как? — спросил я из-под капота.

— Нормально, хорошо все, вон, из Турции возвращаются, позагорали... А прилетают в Челябинск почему-то, не в Кольцово. А я тут... Встретил, называется, — снова начал расстраиваться Эдька, но уже не всерьез.

— Ща, поедешь! Успеваешь, не менжуйся!

— Точно? — уже повеселее спросил Эдька.

— Точно. Ты, технократ, ты хоть иногда на зарядку смотришь? Э-эх, профессор кислых щей! — весело гаркнул я на радостного Эдьку, захлопывая капот.

Тормознул первую же попавшуюся машину, дернули — хорошо, коробка ручная; «Соната» послушно завелась.

— Представляешь, я голосовал два часа! Ни один, ну ни один! — пожаловался Эдька, торопливо засовывая свою немалую тушу в проседающую «Сонату». — А тебе сразу.

— Ты хоть не гони, они пока-а-а еще от самолета подъедут, багаж там получают, туда-сюда, не гони, понял? По времени есть запас еще, понял?

— Ладно, ладно... Ну, давай, на самом деле пора, спасибо, как же ты меня выручил, надо же, и попозже обязательно созвонимся, обязательно, хорошо? — Эдька газанул, осыпая замершую на обочине Яшчерэ мелким гравием.

— Ты мобилу-то... — крикнул я, но Эдькина жопа с шестьдесят шестым номером уже скрывалась в облаке пыли, поднятой «Сонатой» с обочины.

Я посмотрел, как уходит в точку Эдька, расплываясь в мареве над асфальтом, как его заслоняет череда пронсящих мимо меня блестящих машин. Я понял, что больше никогда его не увижу, и пожелал ему хорошего, ему, его жене и обеим дочкам. Потом побрел обратно, и у меня внутри было пусто и стыло, совсем как много лет назад, в пустом кафельном склепе перед операционным блоком, где я лез на стену. Тогда मुдаки врачи неудачно прооперировали мою жену, сорвавшуюся в горах, и была вторая операция, и я думал, что ебнусь, и внутри меня была вот такая же морозная пустота, которая жгла не ху-

же сварочной горелки. А Эдька помог тогда, здорово помог.

Пока шел через поле, машинально удерживая в прицеле бабкин малиновый платок, пустота перестала жечь, и стала... не знаю, передаст ли это, но какой-то не маленькой и злой, как капля желчи на содранной коже, а огромной и беззвучной. Хотя шуму от нее и раньше не было, а была только боль. И что интересно, когда я пытался оценить размеры, если можно так сказать, этой пустоты, то она чужая это и становилась еще больше, словно насмешливо убегая от протянутой к ней линейки. Никакой угрозы я не ощущал, но все равно чисто рассудочно испугался — хоть она и была во мне, но сам-то я был как бы на ней, и я испугался потеряться в этой разбегающейся во все стороны пустыне и сосредоточился на том, что вижу.

Видел я бабкину спину, мелькающую в просветах между подлеском — поле, оказывается, уже кончилось, и мы шли через рощу. Вернувшись в дом, мы снова сели пить чай, и Яшчерэ снова отпустила свои дурацкие шуточки, а потом как-то неожиданно сказала мне, чтоб я ехал домой и к ней больше не приезжал.

Солдатские острова

— А на Озера завтра, яры? С утра дотрем, опустим, и айда.

— Яры, яры... — разочарованно протянул я, с омерзением берясь за очередной скрипучий вилок — перекур кончился.

Гора капусты меньше почти не стала, хотя руки уже давно просили пARDону. До того достало, сил нет. Специально ведь ломанулся попозже, чтоб под картошку не попасть, попал под капусту. Так долго ждал, и на тебе. У-у, блин, обжора, и куда тебе такая прорва-то! Жена, смотрю, больше чаем да хлебом обходится, собака вообще хрен знает чем жива — а бачок-то какой уже? Так, четыре до обеда, епть, а ведь седьмой! Седьмой бачок-то, ни хрена себе... А на куче это как-то мало отразилось, вон, стоит, Монблан сраный. Я снова впал в рабское отупение, помогавшее легче переносить эту работу. Восемь раз одной стороной, восемь другой, края — очередная кочерыжка летит в обрезанную бочку.

Наутро просыпаюсь — божечки мои, как в мусорне переночевал, с массажем на сон грядущий. Что спина, что руки. По дороге к сортиру пос-

мотрел — барать ту люсю, сколько ж еще капустана, в зад его нехорошо! Пока дотрем, никакой уже рыбалки не надо будет. Ну попал, ну Зия! Хотя че «Зия», сам баран — через недельку бы подскочить...

В общем, не пошли мы на Озера, капустана дорезали, поужинали и сели чай пить на улице. Нравится мне у него чай пить, жалко, на Урале антураж подкачал — вместо увитой виноградом чайханы стол под яблоней, и хоть и теплый — но октябрь, никакого тебе вечного таджикского июля. Нет того кайфа, когда горячо внутри, горячо снаружи, мелкие блики сквозь листву, желтый виноградный сахар и свежий, горячий нон... Но все равно хорошо, и курить выходить не надо.

В разговоре Зия мельком упомянул о туракаевском^[3] белемле^[4], который то ли держит собаку на той стороне, то ли сам, когда туда переходит, выглядит здоровенной собакой. Естественно, я вцепился в эту тему, до этого я ни разу не слышал о подобных номерах. Мне тогда втемяшилось — а может, эта собака с той стороны? Зия насмеялся, съезжал и отмазывался, но я вытряс из него немножко информации, хоть и обещал Тахави больше этим не заниматься. Ну да как остановишься; тем более, раз уж такая секретность — молчите тогда, а то че ж, сами трёкнете, и в кусты? Наконец, солнце зашло, и на поселок резко свалилась ночь. Баба, ежась, вынесла лампу и вернулась к телевизору, а мы продолжали сидеть, прихлебывая неплохой китайский чай. И тут мне повезло.

— Ну, завтра куда поедем? На ближний берег, или на тот?

— Грести садись, и хоть в Америку.

— Да погребу, че мне, в ломы, что ли...

— Не, я сам. На той стороне делать один хрен нечего, а вот до поворота можно проплыть, к Солдатским островам. Спиннинг там свой покидаешь, хорошее место.

— Как говоришь, к Солдатским? А почему Солдатские?

— Ну, это я так называю. Там до всех этих дел (так, но несколько менее цензурно Зия именует период от «перестройки» до «кризиса»), военные в палатках жили, вертолет еще к ним летал.

— А че они там делали?

— Борынги пасли, чего ж еще? Дураки.

Я тут же сделал стойку, но, наученный горьким опытом, виду не подал. Как наркоман — типа нос воротит, а глаза-то горят, горят... Борынги — это те, кто жил здесь давным-давно, еще до человека, и, по словам некоторых стариков, до сих пор живет под нашими горами. Впервые мне стало известно о них из смутных упоминаний Тахави, который временами говорил о них как о соседях, подчас даже сердясь на них за что-то — словно они не исчезли тысячи назад. Я заболел, просто помешался тогда на них, ежесекундно дергая любого, кто, как мне казалось, был в курсе дела. Перерыл всю сеть, накопил сотни мег всяких глупостей, хоть мало-мальски относящихся к теме моего помешательства, и доставал ими тех, кто не ставил сразу меня на мес-

то. Сейчас представить себе то помрачение довольно нелегко, и я в испуге шарахаюсь от поднесенного зеркала, но что было — то было, я настолько уперся во все, связанное с борынги, что остальной мир казался жалким ореолом по краю моего фетиша.

— Ну, Зия-абый, ты прям как Тахави... — коварно фыркнул я, подпустив в смесь и комплимента, и подначки, и много чего еще. Зия не мог не сожрать это, прости меня, Зия-абый, я лукаво развел тебя тогда! Но повелся ты сам, тоже стоит отметить. — «Борынги», ага. Тарелочки с зелеными человечками...

— Че «как Тахави»? Тахави-абый, если хочешь знать, вот так, как мы с тобой сидим, может с ними разговаривать! Но он сам не хочет, не нравятся они ему. Он тебе че, не показывал никогда?

— Че? Ихние могилки? Показывал. Вот тоже, интерес великий...

— Ладно, завтра сам посмотришь. Че, думаешь зря озеро «Ишкуль»^[5] называется? Это «Ишеккуль»^[6], если правильно. «Таре-елочки»... — перездразнил меня Зия и перевел разговор на другое.

Я замер, как перед подсечкой — наконец-то мой поплавок водила Настоящая Удача!

Руки затряслись, и я поспешно убрал их со стола. Поддерживать разговор на левые темы стало трудно, и Зия дал команду «отбой», приняв, похоже, мою набыченность за усталость. Доверчивый Зия пожалел меня, а я, накрутив себя до нервного тика, полночи шарахался курить и обратно. Надо отметить, что совестно все-таки было.